

Василия, практически не встречаются в памятниках зодчества последующего времени (например, двухступчатые лопатки), другие (круглые западные столбы), наоборот, становятся обычными для архитектуры середины XIV—XV в. В целом можно отметить, что памятники 1330–1340-х гг. как бы подготавливают следующую эпоху в истории новгородской архитектуры, начавшуюся уже в 1360-е гг., когда новгородским архиепископом становится Алексей.

Изучение новгородских построек 1350-х гг. показывает, что для владыки Моисея работали, видимо, те же мастера, что и для архиепископа Василия. Об этом свидетельствуют особенности применённых строительных материалов, а также конструктивные черты храмов. Архитектурные формы также обнаруживают очевидную преемственность: продолжает использоваться круглая форма западных столбов, на хорах находятся палатки-приделы, восточные угловые ячейки открыты высокими арками в боковые рукава креста и в апсиду, во всех памятниках встречаются стрельчатые завершения проёмов. В то же время мы видим иногда и несколько неожиданные архитектурные элементы—в волотовском и сковородском храмах нет лопаток на фасадах, а западные углы открыты высокими арками, в сковородской церкви появляется необычное круглое окно в уступчатой нише с валиковым обрамлением, в церкви Знамения были крещатые столбы. Памятники новгородской архитектуры 1350-х гг. обладают отчётливой индивидуальностью, при общем варьировании единой конструктивной и композиционной схемы (четырёхстолпный одноапсидный одноглавый храм с одним или несколькими притворами) каждый раз возникает образ, далёкий от какого-либо шаблона. Даже в том случае, когда, очевидно, по требованию заказчика одно здание в общих чертах повторяет другое (строительство храма Михаила Архангела на Сковородке по образцу Успенской церкви на Волотовом поле), зодчие вносят определённые нюансы не только в декор фасадов, но даже и в конструктивные схемы (своды угловых компартиментов), создавая яркий, новый, неповторимый образ. Среди отчётливо выраженных черт этой эпохи надо, конечно, подчеркнуть вертикализм построения архитектурных форм, особенно остро ощущающийся благодаря тонко продуманному завершению волотовской и сковородской церковей, где ритм лопастей последовательно возносит нас к высокому и стройному барабану. Камерность, лаконизм решения как фасадных плоскостей, так и интерьера—ещё одна важная особенность

архитектуры этого времени. Новгородская архитектура и в 1350-е гг., очевидно, была тесно связана с домонгольским наследием. Так, возможно, храм в Перыни служил прообразом Успенской церкви на Волотовом поле, крещатые столбы Знаменской церкви могут отсылать нас к кафедральному храму—Софийскому собору. В декоре памятников новгородской архитектуры 1350-х гг. продолжают применяться «готические» формы, но роль их невелика, значение этих элементов увеличивается только в 1360-е гг.

Важнейший вопрос, который возникает при рассмотрении особенностей псковских памятников XIV в.,—это вопрос о связи псковской архитектуры 1330–1340-х гг. с зодчеством Новгорода. Внимательный анализ архитектурных форм псковских храмов, проведённый Вл.В. Седовым, показал присутствие в их архитектуре очень многих новгородских по происхождению черт [692]. Действительно, не исключено, что в возведении этих храмов принимал участие новгородский зодчий, но считать эти постройки работой артели новгородских мастеров, как нам кажется, пока неправомерно. Слишком много отличий и в пропорциональном строе, в подходе к трактовке стеновой поверхности (во многом обусловленных использованием иных строительных материалов) мы наблюдаем в этих памятниках. Эту мысль наиболее ёмко выразил А.И. Комеч: «Псковские церкви обладают бесспорным своеобразием, но оно связано не с вариантами иконографии, а с пропорциями форм, особой выразительностью пространства и массы, трактовкой поверхностей—всего того, что можно отнести к особенностям стилистического характера. Это связано с иной строительной техникой, с иными ремесленными навыками и чем-то ещё в процессе формирования заказа и строительства, чего мы ещё не знаем, но что определяет конечное своеобразие памятников» [693]. Кажется, что уже с собора Рождества Богородицы Снеготорского монастыря мы вправе начинать традицию собственно псковского зодчества, с учётом того, что псковские нарядчики (организаторы строительства) вполне могли использовать зодчих, приглашённых из Новгорода. Именно поэтому абсолютно справедливо рассматривать псковские памятники в контексте современной новгородской архитектуры, однако считать их составной частью зодчества Новгорода той поры будет неправомерным.

Архитектура Северо-Запада Руси времени архиепископов Василия Калики и Моисея является естественным продол-

[692] Седов, 1992. С. 45–65.

[693] Комеч, 1993. С. 98.

[694] Тверскому зодчеству второй половины XIII—XIV в. посвящен отдельный раздел этого тома.

[695] Ворониц, 1970. С. 236–243.

[696] Никоновская летопись, 2000. С. 167.

[697] Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 438.

[698] Там же. Стб. 442.

[699] Летопись Авраамки, 1889. Стб. 53.

[700] В Лаврентьевской летописи под 1214 г.

о закладке Борисоглебской церкви в Ростове говорится: «Того же лета, христоролюбивый князь Константин заложи церковь камену Ростове, на дворе своем, святою мученику Бориса и Глеба» (Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 438).

[701] «...Загореса град Ростов и погоре мало не весь... Костянтин же, христоролюбивый благоверный князь, сын Всеволож, тогда бе в Володимери оу отца, слышав беду створишююся на град его и святых церквах и еха скоро Ростову и видев печаль бывшую мужей Ростовских...» (Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 435–436).

[702] Лаврентьевская летопись, 1997. Т. I. Стб. 473.

[703] Остатки каких-то «княжских теремов» продолжали существовать в Ростове ещё ы первой половине XVIII в. См.: Ворониц, 1962. С. 59. Примеч. 24.

жением строительства конца XIII—начала XIV в.: мы наблюдаем преемственность как в технико-технологической сфере (тип и формат кирпичей, конструктивные схемы), так и в объёмно-пространственном решении, и в трактовке интерьера. В то же время в постройках этой эпохи видны уже новые черты: необычная система сводов (церкви Благовещения на Городище, Николы в Изборске), сложнопрофилированные фасады, круглая и крещатая форма столбов и др. Зодчество Новгорода и Пскова первой половины—середины XIV в. предстаёт перед нами как подвижный организм, поражая разнообразием конструктивных и декоративных решений, присущим постройкам той поры.

В 1360 г. со строительством церкви Св. Феодора Стратилата на Ручью начинается новый период в истории зодчества средневекового Новгорода, во многом, возможно, связанный с естественной сменой части мастеров или с приходом нового зодчего. Со строительством в 1365–1367 гг. нового Троицкого собора в Пскове псковская архитектурная практика также, очевидно, претерпевает значительные изменения. К сожалению, о характере этих изменений сейчас мы можем судить лишь предположительно: памятники этого времени известны нам только благодаря результатам археологических исследований.

В заключение следует подчеркнуть, что в условиях утраты памятников архитектуры первых десятилетий после монгольского нашествия в Северо-Восточной Руси, а также спорности датировок многих западнорусских построек, традиционно относимых к этой эпохе, наши знания о постройках Новгорода и Пскова приобретают особую важность для понимания путей развития древнерусской архитектуры в целом.

И.В. Антипов

Церковь Св. Бориса и Глеба в Ростове Великом и зодчество Северо-Восточной Руси после монгольского нашествия

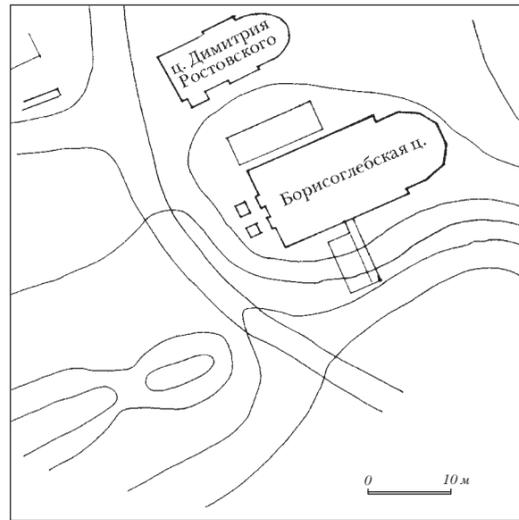
Зодчество Северо-Восточной Руси второй половины XIII в. до недавних пор относилось к неисследованным страницам в истории древнерусской архитектуры. Ещё совсем недавно считалось, что после того, как каменное строительство возобновляется в 1285 г. в Твери [694], следующим таким центром стала Москва, где строительная деятельность начинается только в XIV в. при князе Иване Даниловиче Калите [695]. Вместе с тем летописи донесли до нас известия, что уже через два года после начала строительства в Твери оно возобновляется ещё

в одном центре Северо-Восточной Руси—Ростове: под 1287 г. Никоновская летопись сообщает, что в Ростове на княжеском дворе «благословением Игнатия, епископа Ростовского» была построена церковь Св. Бориса и Глеба [696].

Известно, что Никоновская летопись, составленная в XVI в., ввиду её позднего происхождения далеко не всегда воспринимается исследователями как вполне достоверный источник по отношению к упоминаемым в ней событиям значительно более раннего времени. Поэтому сообщение о постройке в Ростове в 1287 г. церкви Бориса и Глеба хотя и не отвергалось специалистами по истории древнерусского зодчества, но относилось всё же скорее к разряду малодостоверных. Интерес исследователей к церкви Бориса и Глеба в Ростове был связан совсем с другой эпохой—началом XIII в., когда, по сведениям Лаврентьевской летописи, в 1214 г. в Ростове была заложена церковь с таким посвящением [697]. Строительство храма, по сообщению той же летописи, было завершено в 1218 г. [698] В ней же говорится, что князь Константин Всеволодович заложил её «на дворе своем», а Летопись Авраамки называет её «платяной», т. е. «палатной», дворцовой [699].

Можно предполагать, что постройки, входившие в состав дворцового комплекса, к моменту возведения храма уже существовали [700]. Вероятно, строительство княжеского дворца Константина Всеволодовича в Ростове следует приурочить к сведениям Лаврентьевской летописи о пожаре в Ростове в 121 г. [701] По всей видимости, во время этого пожара был уничтожен старый, возможно, деревянный дворец ростовских князей, после чего могло начаться строительство нового, которое должно было быть завершено к 1214 г., т. е. к началу строительства Борисоглебской церкви, поставленной князем «на дворе своем». В 1253 г. церковь была отреставрирована и освящена епископом Кириллом [702]. Однако домонгольская церковь просуществовала недолго, и уже под 1287 г. в Никоновской летописи появляется цитированное выше сообщение о строительстве Борисоглебской церкви в Ростове «благословением Игнатия, епископа Ростовского». Остатки каких-то «княжских теремов» продолжали существовать в Ростове ещё в первой половине XVIII в. [703]

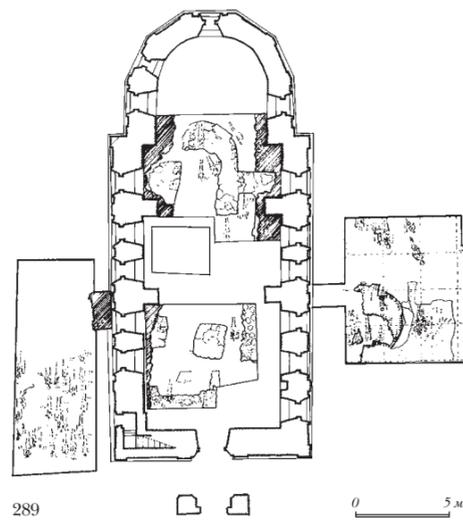
В 1632 г. через территорию княжеского двора прошла линия укреплений ростовской земляной крепости, а в 1761 г. на месте древнего храма и княжеского двора была построена новая церковь Бориса и Глеба, рядом с которой год спустя, в 1762 г., была возведена церковь во имя Дмитрия Ростовского.

288

290

289

291

- 288 Борисоглебская церковь (1761 г.), церковь Дмитрия Ростовского (1762 г.) и участок вала Ростовской земляной крепости (1632 г.). Генплан
 289 Борисоглебская церковь в Ростове 1287 и 1761 гг. Сводный план раскопок 1986–1993 гг.
 290 Борисоглебская церковь в Ростове. 1761 г. Современный вид
 291 Борисоглебская церковь в Ростове. Начало XX в.
 292 Апсида Борисоглебской церкви в Ростове 1287 г. Вид с востока
 293 Апсида Борисоглебской церкви в Ростове 1287 г. Вид с запада

- [704] Там же. С. 58–60.
 [705] Там же. С. 60.
 [706] Иоаннисян, 1993/2. С. 166–174; Иоаннисян, Зыков, Леонтьев и др., 1994. С. 201–215; Иоаннисян, Леонтьев, Зыков и др., 1999. С. 260–263; Иоаннисян, Торшин, Зыков, 1997. С. 229–250.
 [707] Иоаннисян, 1993/2. С. 166–174; Иоаннисян, Зыков, Леонтьев и др., 1994. С. 201–215; Иоаннисян, Леонтьев, Зыков и др., 1999. С. 260–263; Иоаннисян, Торшин, Зыков, 1997. С. 229–250.

Найти остатки домонгольской Борисоглебской церкви впервые попытался в 1955 г. Н.Н. Воронин [704]. Под южной стеной существующего здания церкви 1761 г. он заложил небольшой шурф, в котором был найден развал древнего кирпича-плинфы. В то же время ни фундаментов, ни остатков стен Борисоглебской церкви 1214–1218 гг. Н.Н. Ворониным обнаружено не было. Подтвердив факт существования на этом месте монументальной постройки, но не обнаружив от неё ничего, кроме развала, Н.Н. Воронин высказал предположение, что при строительстве 1761 г. остатки домонгольской церкви были полностью уничтожены [705]. Сведения же Никоновской летописи о возведении новой Борисоглебской церкви в Ростове в 1287 г. не вызывали доверия исследователей, так как сама возможность строительства в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII в., после опустошительного татаро-монгольского нашествия, казалась совершенно нереальной.

Новые исследования памятника проводились Архитектурно-археологической экспедицией Государственного Эрмитажа с 1986 по 1991 г. и принесли совершенно неожиданные результаты, позволившие не только обнаружить остатки церкви 1287 г., но и подойти к решению ещё одной проблемы, до сих пор практически не изученной, — возобновлению строительства в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII в. после монгольского нашествия [706] [ил. 288–291].

Работы были сосредоточены в интерьере существующего здания церкви 1761 г. [707] Первый же год исследований показал, что неуверительные предположения Н.Н. Воронина, будто остатки древней Борисоглебской церкви полностью уничтожены при строительстве XVIII в., не подтвердились. Наряду с большим количеством плинфы, сразу под полом существующего здания церкви были обнаружены кладки древнего храма, в плане образующие его центральную и южную апсиды [ил. 292–294],

а в шурфе в западной части интерьера — кладки западной пары подкупольных столбов [708] [ил. 299]. Более того, оказалось, что найдены не фундаменты или нижние части, а уцелевшие на значительную высоту (до уровня сводов) стены церкви 1287 г.

Обнаруженный храм был сложен в совершенно необычной для древнерусской архитектуры технике кладки из относительно мелких булыжников, пролитых известковым раствором без примеси цемента. Такая кладка носит забутовочный характер и представляет собой, по сути дела, бетон. Снаружи забутовочная масса была облицована постелистыми блоками пористого известняка, которые хотя и имели правильную форму, но были обработаны довольно грубо и сохраняли неровную фактуру лицевой поверхности. Толщина этих блоков была не больше 15 см, что делало их совершенно непохожими на строительный материал белокаменных храмов Северо-Восточной Руси домонгольского времени. Облицовка стены сохранилась только на незначительном участке наружной поверхности фасада. Она была плохо перевязана с забутовочной частью и отслаивалась при расчистке. Внутренняя же, забутовочная часть стены была монолитной и, собственно, представляла собой основной конструктивный массив кладки. Выполнить такую кладку можно было только одним способом — применяя деревянную опалубку, следы которой и были обнаружены при раскопках. Они представляли собой пазы от сгнивших деревянных конструкций, проходивших прямо внутри массива кладки [ил. 296, 298]. Такая техника совершенно уникальна для древнерусского зодчества и пока не имеет аналогий ни в домонгольских постройках, ни в памятниках более поздней эпохи. Там, где кладка переходит от стен к сводам, её характер меняется. На смену бутовой кладке из булыжника приходит кладка из постелистых блоков, приближающихся по форме к плите, а сами своды сложены из лёгкого пористого туфообразного белого камня.

Уникальность техники возведения этой постройки, показывающая в то же время, что обнаруженный храм не может быть датирован домонгольской эпохой, а следовательно, не может быть и летописной церковью 1214–1218 гг., заставляет предположить, что здесь мы сталкиваемся с памятником, принадлежащим к какой-то совершенно неизвестной строительной традиции, и вспомнить о летописном известии 1287 г. о создании в Ростове новой церкви Бориса и Глеба.

Не находит аналогий в домонгольском зодчестве и характер декоративной резьбы, о котором можно судить по обнаруженному

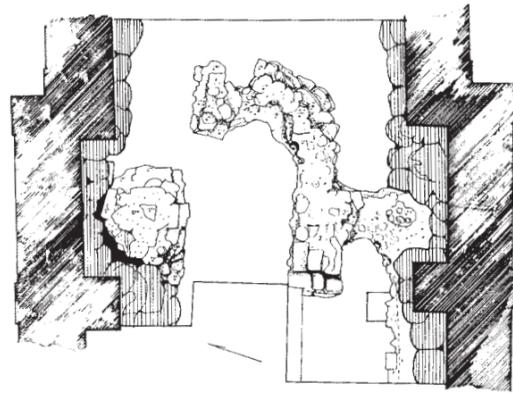
292

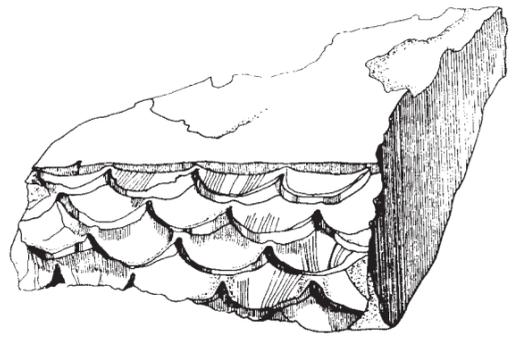
293

при раскопках резному белокаменному карнизному блоку. Резной декор в виде чешуйчатого орнамента, покрывающий выступ полула на торце блока [ил. 295], в достаточной степени примитивен как по форме, так и по исполнению, и не имеет ничего общего с виртуозной белокаменной резьбой домонгольских памятников Северо-Востока (даже с её упрощённым стилистическим вариантом, встречающимся в резном убранстве Георгиевского собора в Юрьеве Польском). Характер резьбы, покрывающей ростовский блок, свидетельствует о попытке создать некое подобие характерной для Ростово-Суздальской земли системы декоративного убранства здания при утрате традиции и навыка создания белокаменной резьбы. Это обстоятельство также может служить свидетельством в пользу того, что обнаруженный памятник не является изначальной Борисоглебской церковью 1214–1218 гг., а представляет собой сменивший его в 1287 г. новый храм.

Обнаруженные кладки храма 1287 г. опускаются не вертикально вниз, а с наклоном и по кривой. Кривая, которую они образуют, свидетельствует о том, что здесь мы

294

295

имеем дело не со стенами, а с пробитыми сводами древней постройки [ил. 297, 300]. При исследованиях были прослежены остатки склонов и пяты сводов северной и южной сторон центральной апсиды, кладка, образующая её конху, и остатки южного склона и пяты свода южного нефа храма конца XIII в. Примечательно, что зенит свода южного нефа древней постройки оказывается значительно ниже зенита свода её центрального нефа. Такая система сводов должна была образовывать на фасаде здания трёхлопастную композицию венчающих его частей. Подобный характер завершения может служить ещё одним аргументом в пользу датировки открытых руин концом XIII в.—1287 г. Именно такое завершение становится характерной чертой памятников древнерусского зодчества в эпоху возобновившегося после татаро-монгольского нашествия строительства— в XIV–XV вв., а в Новгороде уже с 90-х гг. XIII в. (церковь Николы на Липне). Другой особенностью, характерной для заключительного этапа домонгольского периода, и особенно для архитектуры уже последующего периода—XIV в., является одноапсидность церкви Бориса и Глеба: боковые апсиды этой церкви снаружи не выражены, а вписаны в толщу участков восточной стены, расположенных по сторонам от

296

297

представленной в объёме здания центральной апсиды.

В забутовке стен и столбов исследуемого храма встречается большое количество мелких фрагментов фресок, происходящих, по-видимому, из ещё более раннего здания, которым следует считать стоявшую на этом же месте Борисоглебскую церковь 1214–1218 гг.

Итак, в ходе раскопок под Борисоглебской церковью 1761 г. в Ростове Великом

[709] Штендер, 1981. С. 534)544.
[710] Раппопорт, 1977. С. 12–29.
[711] Иоаннисян, 1997. С. 199–228.

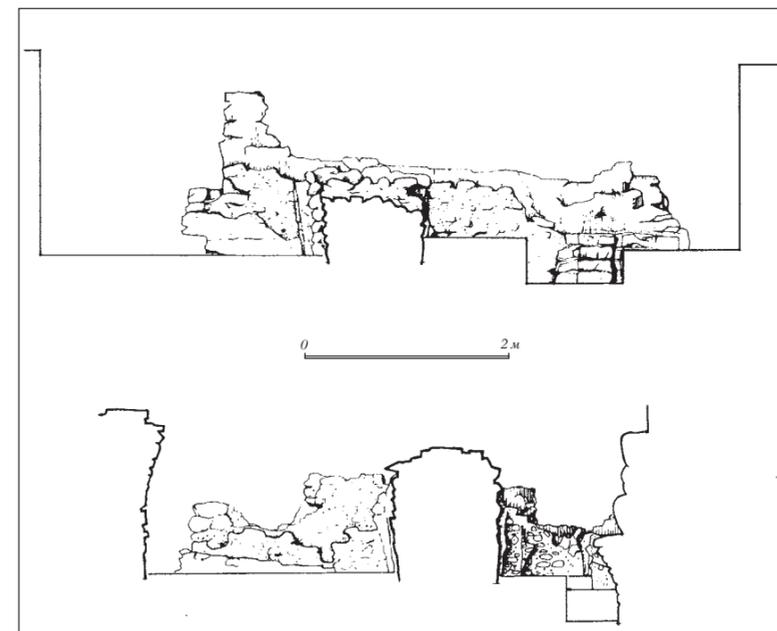
294 Алтарная часть Борисоглебской церкви в Ростове. 1287 г. План
295 Резной карнизный белокаменный блок Борисоглебской церкви в Ростове. 1287 г.
296, 298 Борисоглебская церковь в Ростове. Отпечаток деревянной конструкции в кладке южной стены центральной апсиды
297 Борисоглебская церковь в Ростове. План свода южного нефа
299 Борисоглебская церковь в Ростове. Юго-западный столб
300 Разрезы по алтарной части Борисоглебской церкви в Ростове. 1287 г. Раскопки 1991 г.

298

299

300

были обнаружены остатки более древнего храма, но не домонгольского, как ожидалось, а сменившего его в 1287 г. нового храма, возведённого епископом Игнатием. По всей видимости, остатки первоначального храма на этом месте—церкви 1214–1218 гг.—находятся значительно ниже, в уровне оснований церкви 1287 г., и их раскрытие—задача будущих исследований.

Оказалось, что под существующим зданием находятся не фундаменты или нижние части, а уцелевшие на значительную высоту (до уровня сводов) стены церкви 1287 г. К таким выводам позволил прийти целый ряд наблюдений.

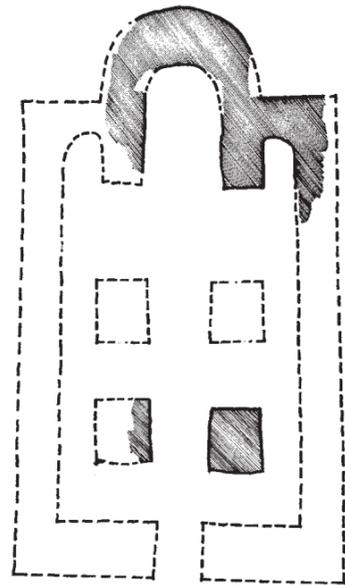
Возведённая уже после перерыва в строительной деятельности, вызванного монгольским нашествием, церковь Бориса и Глеба 1287 г. в Ростове становится начальной точкой в ряду развития «послемонгольского» зодчества Древней Руси. Следует, впрочем, отметить, что образующая трёхлопастную композицию система завершения здания не была изобретением строителя, возводившего храм в 1287 г. Появившись в древнерусской архитектуре ещё на рубеже XI–XII вв. в церкви Спаса на Берестове в Киеве [709], в конце XII—начале XIII в. она довольно широко распространилась в древнерусском зодчестве [710], в том числе, как показали исследования комплекса Спасо-Преображенского собора и Входеоерусалимской церкви 1216–1224 гг. в Ярославле [711], и в Северо-Восточной Руси, причём в деятельности именно той артели, которой была возведена и предшественница открытого раскопками храма 1287 г.—Борисоглебская церковь 1214–1218 гг. Таким образом, создатели церкви 1287 г. могли повторить композицию раннего здания, обеспечив тем самым преемственность развития архитектурных форм в древнерусском зодчестве, несмотря на перерыв в несколько десятилетий, вызванный опустошительным нашествием и последовавшей за ним полной сменой строительной традиции (о чём свидетельствует и сам характер кладки открытого здания, не имеющий ничего общего с существовавшими в домонгольскую эпоху способами возведения зданий). Это явление стало характерной особенностью древнерусского зодчества эпохи возобновления строительства после татаро-монгольского завоевания. Спустя пять лет после постройки новой церкви Бориса и Глеба в Ростове аналогичную картину мы наблюдаем и в новгородском зодчестве: возведённая в 1292 г., после долгого перерыва в строительной деятельности, церковь Николы на Липне почти в точности повторяет основные архитектурные формы и композицию одного из последних своих предшественников—церкви Рождества Бого-

родицы на Пeryни близ Новгорода, хотя некоторые детали, техника кладки, да и сам строительный материал (в церкви Николы на Липне применён уже брусковый кирпич, неизвестный домонгольскому строительству в Новгороде) свидетельствуют уже о смене строительной традиции.

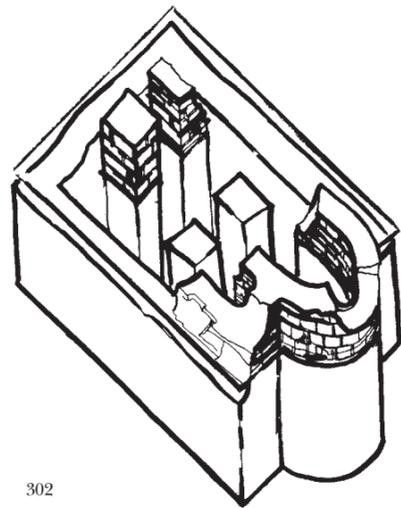
Церковь Бориса и Глеба конца XIII в. сохранилась на уникальную для археологического объекта высоту—более чем на 4 м. В ходе исследований 1986–1991 гг. в интерьере Борисоглебской церкви 1761 г. был вскрыт максимально возможный объём остатков храма 1287 г. Были прослежены западная пара столбов, центральная и южная апсиды и часть южного нефа этого здания.

Полностью раскопать этот памятник пока, к сожалению, невозможно, так как фундаменты церкви XVIII в. в ряде мест на значительном протяжении опираются непосредственно на стены и своды древнего здания. Нижняя отметка фундаментов XVIII в. находится значительно выше того уровня, который бы обеспечивал полное вскрытие древней постройки без угрозы разрушения существующего здания. Но исследованные участки древней кладки дают возможность реконструировать плановую структуру храма конца XIII в. [ил. 301, 302]. Он представлял собой четырёхстолпный объём с одной выраженной в экстерьере здания апсидой. Боковые апсиды были устроены в толще его восточной стены. Нёфы храма были очень узкими—ширина их составляет всего 0,95–1,00 м. Как уже отмечалось выше, такая композиция зарождается ещё в рамках домонгольского периода развития древнерусского зодчества, но начиная с XIV столетия используется в древнерусском зодчестве повсеместно. Таким образом, Борисоглебская церковь в Ростове становится связующим звеном между двумя периодами в развитии архитектуры Древней Руси—непосредственно предшествующим монгольскому нашествию и XIV столетием [712].

Раскопки, проведённые к югу от существующего здания Борисоглебской церкви, дают основание предполагать, что церковь 1287 г. входила в ансамбль построек княжеского двора, в составе которого было ещё одно здание, частично сохранившееся от домонгольской эпохи, но довольно сильно перестроенное уже в конце XIII или даже в XIV в. [713] [ил. 303, 304]. Если об изначально домонгольском происхождении этого здания свидетельствует то обстоятельство, что в основном оно было сложено из плинфы, то наличие брусковых кирпичей размерами 26 × 15 × 6–7 см, туфообразных блоков, система перевязки швов на участках, сложенных из брускового кирпича по системе «ложок-тычок», и белый известковый раствор, близкий по характеру раствору церкви 1287 г.,

301

302

дают основание предполагать, что в конце XIII или в XIV в. здание было сильно перестроено. Судя по находкам в его развале фрагментов фресковой росписи [ил. 305], здание было украшено живописными композициями [714].

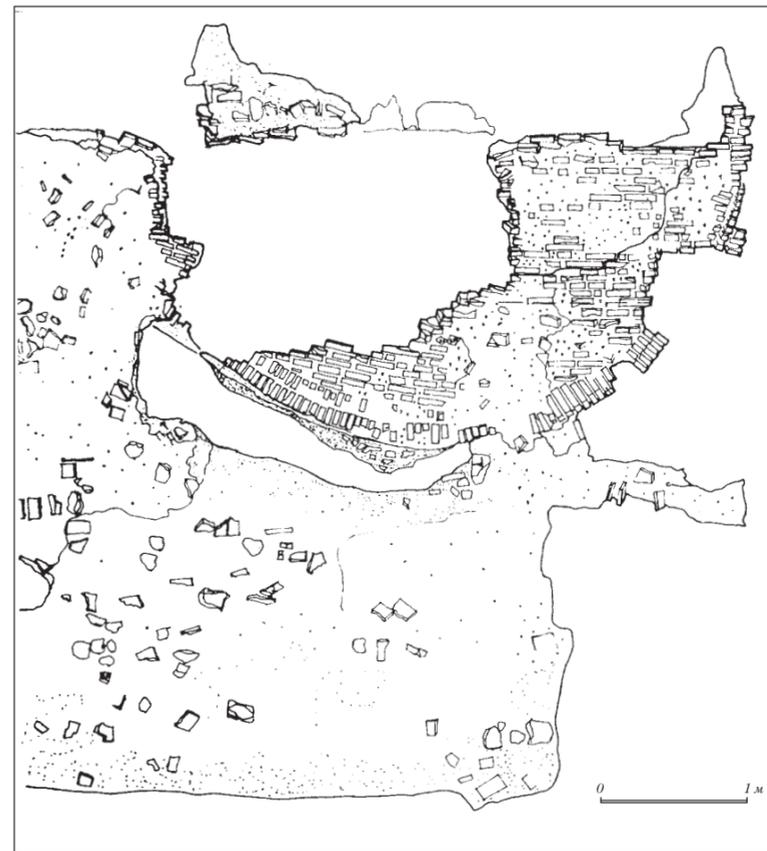
Исследования на территории княжеского двора в Ростове и открытие Борисоглебской церкви 1287 г. поставили ещё один вопрос—о мастерах, силами которых осуществилось возобновление строительной деятельности в Северо-Восточной Руси в 80-х гг. XIII в. Ранее мы уже говорили об уникальном характере техники кладки, в которой возведена Борисоглебская церковь 1287 г., и об отсутствии ей аналогий как в домонгольском зодчестве, так и в архитектуре Руси XIV–XV вв. Пока можно с уверенностью утверждать лишь то, что мастера,

301 Борисоглебская церковь в Ростове. Реконструкция плана церкви 1287 г.
302 Борисоглебская церковь в Ростове. Аксонометрическая реконструкция сохранившейся части церкви 1287 г.
303, 304 Люнеты закомары плинфяной домонгольской постройки (Борисоглебской церкви в Ростове 1214–1216 гг.) со следами ремонта второй половины XIII—XIV в.

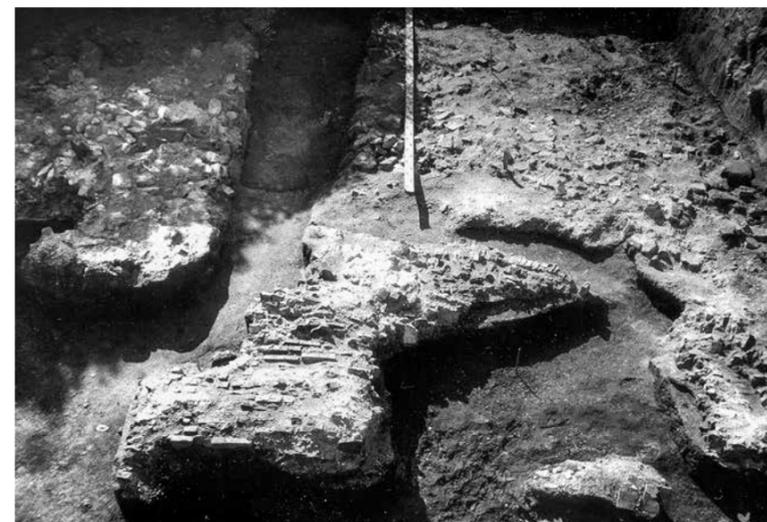
[712] Раскопки показали, что оси храмов 1287 и 1761 гг. не совпадают. Остатки древней церкви находятся в интерьере здания XVIII в. лишь частично. Северо-западная часть храма 1287 г. выходит за пределы постройки 1761 г. и в дальнейшем может быть прослежена при раскопках снаружи существующего здания. В 1991 г. возможности дальнейшего расширения и углубления раскопок в интерьере церкви XVIII в. были исчерпаны. Продолжение работ могло угрожать безопасности его конструкции. Поэтому открытые части храма 1287 г. были законсервированы, а раскопки в интерьере церкви 1761 г. засыпаны.

[713] Иоаннисян, Торшин, Зыков, 1997. С. 240–245.

[714] К сожалению, к настоящему времени возможности архитектурно-археологического изучения Борисоглебской церкви и неизвестной постройки рядом с ней полностью исчерпаны, и дальнейшее их проведение может быть возможно только после вывешивания на свои существующего здания церкви XVIII в., однако то, что на этом месте обнаружены остатки не одного здания церкви, а следы более сложного ансамбля, даже сейчас вряд ли является просто предположением. Интересно, что ещё Н.Н. Воронин, которому, как мы уже видели, так и не удалось

303

304

найти остатки Борисоглебской церкви 1213–1218 гг., проанализировав состав открытого им развала, пришёл к мнению о том, что на этом месте находятся остатки не только церкви, но и какого-то «другого здания, может быть, палат княжеского дворца» (Воронин, 1962. С. 60).
[715] Воронин, 1970. С. 235.
[716] Раппопорт, 1993. С. 122.
[717] Салимов, 1994. С. 17–73.

[718] Исследования, проведённые в 1991 г. (Булкин, Иоаннисян, Мальгин, Салимов, 1994. С. 243–248), остатков собора 1285 г. не выявили, а новые исследования на месте собора, начатые в 2013 г. Л.А. Беляевым, ещё не завершены, однако их предварительные результаты дают возможность делать определённые выводы об этом памятнике и учтены в следующем раз-

деле данного тома, написанном А.Л. Баталовым и Л.А. Беляевым.
[719] Альтшуллер, Галашевич, 1989; Галашевич, Колтакова, 2004. С. 42–80. О датировке подклета Городни XV в. см.: Седов, 1993. С. 62–69; Салимов, 2015. С. 77.
[720] Воронин, 1962. С. 399–415.
[721] Симеоновская летопись, 1913. С. 81.

возобновившие строительную деятельность в Ростове, происходили не из старой владимиро-суздальской артели, как предполагалось ранее Н.Н. Ворониным [715] и П.А. Раппопортом [716]. Об этом красноречиво свидетельствует отличие кладки ростовского храма от традиционной для домонгольского зодчества Северо-Восточной Руси квадратной техники. По этой же причине отпадает в качестве возможного источника строительных кадров и домонгольская Галицкая Русь. Не могут претендовать на эту роль и Вольинь, Галицкая земля после монгольского времени и Новгород, где при возобновлении строительной деятельности после татаро-монгольского завоевания начинает использоваться совершенно другой строительный материал—брусковый кирпич. Не следует забывать при этом, что Новгород отпадает ещё и потому, что строительная деятельность в нём возобновляется даже позже, чем в Ростове,—только в 1292 г.

В то же время обращает на себя внимание близость дат возобновления строительства в XIII в. в двух центрах Северо-Восточной Руси—Твери (Спасо-Преображенский собор—1285 г.) [717] и Ростове (церковь Св. Бориса и Глеба—1287 г.). К сожалению, Спасо-Преображенский собор XIII в. до нас не дошёл и археологически пока остаётся не до конца исследованным [718], поэтому судить о его строительной технике, а тем более—облике, не представляется возможным. Однако более поздний памятник тверского зодчества—подклет церкви Рождества Богородицы в Городне, датируемый Б.Л. Альтшуллером XIV в. [719] (сам храм датируется первой половиной XV в. [720]), демонстрирует технику кладки не из тёсаных квадратов, а бутовую—из грубо обработанных камней, правда, значительно большего формата, нежели ростовские. Можно было бы предположить, что начало строительной деятельности в Твери и возобновление строительства в Ростове связаны с одной и той же строительной традицией и что ростовский храм был построен теми же мастерами, что и Спасо-Преображенский собор в Твери. На первый взгляд, связь между строительством двух этих храмов напрашивается сама собой. В связи с этим интересно отметить, что заложенный в 1285 г. собор в Твери был освящён ещё до окончания его строительства—в том же 1287 г., когда в Ростове уже была построена церковь Бориса и Глеба. Симеоновская летопись так сообщает об этом событии: «епископ Семеон Тферский святил малым священником церковь камени на Тферии святого Спаса, еще не свършениу сущу и служаеще в ней, а мастера делаху святого Спаса» [721].

Н.С. Борисов даже высказал предположение о том, что заложенный в 1285 г.

305 Фрагменты фресок, найденные при раскопках закомары плинфяной постройки Борисоглебской церкви

305

собор в Твери был освящён ещё до окончания его строительства вследствие стремления епископа Симеона «выдать желаемое за действительное и оповестить Русь о постройке нового собора» и «не уступить честь освящения первого после батыевщины нового каменного храма в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси тогдашнему злейшему врагу Твери—ростовскому князю Дмитрию Борисовичу» [722]. Однако в таком случае возникает вопрос, откуда строительная артель появилась в это тёмное для Руси время в самой Твери, в которой строительная деятельность началась раньше, чем в Ростове?

Долгое время этот вопрос оставался без ответа, так как никаких данных, кроме летописных сообщений о самом факте строительства тверского собора, в нашем распоряжении не было. И только сейчас, благодаря исследованиям, проводящимся в Твери Л.А. Беляевым и А.Н. Хохловым, появились данные, позволяющие, правда, пока ещё только в первом приближении, представить себе характер первого каменного храма, заложенного на Руси после монгольского нашествия.

Раскопки Спасо-Преображенского собора в Твери показали, что он представлял собой трёхнефный, трёхапсидный,

[722] Борисов, 1986. С. 42.

четырёхстолпный и, возможно, трёхпритворный объём, окружённый впоследствии галереями. В отличие от Борисоглебской церкви в Ростове, возведённой в нетипичной для Руси бутовой технике кладки, тверской собор был выстроен в технике белокаменной кладки, а в состав его декора входила владимиросуздалская по характеру резьба. Явно к владимиросуздалской традиции восходит и плановая структура собора, заставляя вспомнить такие памятники, как Рождественский собор в Суздале, Успенский собор 1213–1231 гг. в Ростове, церковь Михаила Архангела в Нижнем Новгороде, и особенно Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Таким образом, создатели тверского собора явно унаследовали традиции домонгольского владимиросуздалского зодчества. Ростовская же церковь свидетельствует о появлении в Северо-Восточной Руси какой-то иной традиции, источник которой ещё предстоит выяснить, хотя некоторые соображения на эту тему можно высказать уже сейчас.

Следует вспомнить, что во второй половине XIII в., примерно в то же время, когда возобновляется строительство в Ростове и начинается строительство в Твери, активизируется строительство ещё в одном из центров Древней Руси—на сей раз на Северо-Западе, во Пскове. Остановимся на проблеме происхождения мастеров, обеспечивших возобновление строительной деятельности в Северо-Восточной Руси после монгольского нашествия.

Еще в 1831 г. митрополит Евгений Болховитинов написал, что литовским князем Довмонтом, княжившим в Пскове в 1266–1299 гг., были построены церкви Тимофея Газского (1266), Св. Георгия (1269), Фёдора Стратилата (1272), Рождества Богородицы (1272) и, наконец, Петра и Павла на Березе (на берегу реки Великой) (1299) [723]. При этом Болховитинов считал эти церкви каменными. К 1266 г. он относил и создание каменной стены псковского Крома—«Персей» [724]. Источник этих сведений Болховитинов не называет, и остаётся только догадываться, что они взяты из одной из редакций памятника древнерусской литературы XIV–XVI вв.—«Повести о Довмонте» [725]. Учитывая, что единственной редакцией, где содержится наиболее полный список построек Довмонта, является Распространённая редакция, составленная уже в XVI в., можно предполагать, что именно она и послужила источником сведений Евгения Болховитинова. В то же время В.И. Охотникова указала на то, что и Средняя, и Распространённая редакции Повести о Довмонте сами основаны на устной традиции и поэтому не могут восприниматься в качестве надёжного и точного источника [726]. Ю.П. Спегальский, тем не

[723] Евгений (Болховитинов). 1831. С. 22–23.
 [724] Там же. С. 21.
 [725] См. текст Повести (Сказания): Сказание о Довмонте, 1981. С. 50–57. См. также: Охотникова, 1985.
 [726] Охотникова, 1985. С. 106, 132.
 [727] Спегальский, 1976. С. 29.
 [728] См.: Охотникова, 1985. С. 209.
 [729] Седов, 1992. С. 37–38. Летописные сообщения о строительстве собора Снеготорского монастыря в 1310–1311 гг. см.: Псковская 1-я летопись. С. 14; Псковская 2-я летопись. С. 22; (Псковская 3-я летопись. С. 88.
 [730] Белецкий, 1986. С. 10.
 [731] Охотникова, 1985. С. 220.
 [732] Белецкий, 1986. С. 10, 25.
 [733] Охотникова, 1985. С. 218.
 [734] Белецкий, 1986. С. 10, 25.
 [735] Охотникова, 1985. С. 221–222.
 [736] Белецкий, 1996. С. 130–138.
 [737] Белецкий, 1986. С. 10.
 [738] Седов, 1992. С. 37–42.
 [739] Антипов, 2000. С. 77–79, 84–86. См. также наст. изд. с. 107.

менее, пишет обо всех постройках Довмонта как о безусловно существовавших и при этом каменных [727], а Вл.В. Седов даже счёл возможным принять во внимание сведения Средней редакции «Повести» о строительстве Довмонтом собора Снеготорского монастыря [728], оговаривая, правда, что Довмонт, умерший в 1299 г., успел только выделить средства на возобновление сгоревшего в том же году деревянного собора, а само строительство состоялось уже позднее—в указанные Псковскими летописями 1310–1311 гг. [729]. В.Д. Белецкий отождествил с храмами, упоминаемыми в Распространённой редакции «Повести о Довмонте», нижние части фундаментов некоторых церквей, построенных уже в XIV в., но упоминаемых в «Повести» как сооружения Довмонта. Остатки этих храмов были раскопаны на территории Довмонтова города: это открытая ещё Г.П. Гроздиловым церковь Св. Георгия [730], упоминаемая в «Повести» под 1270 г. [731], а также раскопанные самим В.Д. Белецким церкви Св. Тимофея Газского [732] (упоминается в «Повести» под 1268 г.) [733] и Фёдора Стратилата [734] (упоминается в «Повести» под 1272 г.) [735]. Более того, В.Д. Белецкий отнёс ко времени Довмонта и две гражданские постройки, открытые там же—в Довмонтовом городе: постройку № 4, которую В.Д. Белецкий определил как «палаты Довмонта» [736], и постройку № II [737]. Все эти сооружения были перестроены в XIV в., и к более раннему периоду могут быть отнесены лишь нижние части их фундаментов, отличающиеся довольно небрежной бутовой кладкой. Вл.В. Седов считает, что ранние части перечисленных построек были возведены уже в XIV в. на месте более ранних деревянных зданий [738], к этому мнению присоединяется и И.В. Антипов [739].

Однако независимо от того, были ли все эти здания построены ещё Довмонтом или уже в XIV столетии, они имеют одну особенность, роднящую их с Борисоглебской церковью в Ростове: использование бутовой кладки. Правда, следует учитывать, что, во-первых, во всех перечисленных псковских памятниках мы сталкиваемся с фундаментами, а не со стенами и сводами, как в Ростове; во-вторых, обильное использование довольно грубо обработанных блоков местного плитняка характерно для псковского строительства во все периоды его развития.

В связи с этим особый интерес для решения вопроса о происхождении мастеров, возобновивших строительство в Ростове в 1287 г., приобретает ещё один псковский памятник, строительство которого связывается с именем князя Довмонта—оборонительная стена предградия псковского

Кроме, получившего впоследствии название «Довмонтов город», — так называемые «Перси» [740]. Правда, нельзя не учитывать, что «Перси» строились и перестраивались неоднократно. Первое летописное упоминание об их возведении относится к XIV в. [741], однако нет никакого сомнения в том, что они существовали и раньше. П.А. Раппопорт не исключал того, что они могли уже стоять и в XI в., хотя и отметил, что к сообщениям Новгородской IV и Тверской летописей об их наличии уже в 1065 г. во время осады Пскова Всеславом Полоцким [742] следует относиться осторожно [743]. Однако археологические исследования этой стены, проведённые в разные годы В.Д. Белецким, И.К. Лабутиной, Т.Е. Ершовой, И.О. Колосовой и В.В. Лабутиной, довольно убедительно показывают, что стена строилась в 1270-х гг. [744] С аргументацией этих исследований согласился и И.В. Антипов [745]. Для рассмотрения интересующего нас вопроса очень важен характер кладки той части стены, которая может быть отнесена ко второй половине XIII в. Довмонтова стена была сложена в откровенно бутовой технике из валунов и плохо обработанного плитняка на известково-песчаном растворе [746].

Происхождение такой кладки в стене, возведённой литовским князем Довмонтом, который княжил в Пскове, очевидно. Именно в такой технике строились во второй половине XIII в. многие крепости в Чёрной Руси и собственно в Литве, т.е. в землях, вошедших к этому времени в состав Великого княжества Литовского: замках в Лиде, Крево, Мядининкае [747]. Это касается и построек Вильнюсского замка, включая кафедральный собор, относящийся ещё к середине этого столетия [748].

В своё время автор этих строк предполагал именно такой источник происхождения бутовой техники в строительстве Древней Руси второй половины XIII в., исходя, правда, из того, что Ростов, Тверь, Псков и Литва оказались во второй половине XIII в. вовлечёнными во взаимосвязанные строительные процессы [749]. При этом автор предполагал, что значительную роль в осуществлении этих взаимосвязей играла Тверь, возобновившая монументальное строительство на два года раньше, чем Ростов, — в 1285 г.

Благодаря последним открытиям в Твери, связанным с изучением Спасо-Преображенского собора [750], оказалось, что он, так же как и Борисоглебская церковь в Ростове, возникает в результате наследования совершенно разных, не связанных между собой строительных, а отчасти и архитектурных традиций. Если в соборе Твери отчётливо наблюдается следование основам

домонгольского владими́ро-суздальского зодчества, то в Ростове прослеживается совершенно иная линия, пока находящаяся аналогии в нарождающихся в это же время строительных традициях Пскова (правда, слабая изученность архитектуры эпохи князя Довмонта делает эту аналогию весьма условной) и Литвы. Однако в дальнейшем, уже в XIV и даже в начале XV в. отмеченные выше черты сходства между кладкой Борисоглебской церкви в Ростове и памятником тверского зодчества — подклеем церкви Рождества в Городне — опять проявляются. Более того, нечто похожее мы можем увидеть и в произведениях раннемосковского зодчества — в Никольской церкви в селе Каменском [751], а также в храмах Коломны [752].

В связи с этим следует вернуться к реконструкции плана Борисоглебской церкви 1287 г. в Ростове. В своё время И.В. Антипов выразил сомнение в правильности реконструкции, предложенной исследователями памятника, среди которых был и автор этих строк [753]. Соглашаясь с И.В. Антиповым в том, что восточные столбы, которые не удалось проследить во время раскопок, показаны на этой реконструкции весьма условно, обратимся к сути высказанных И.В. Антиповым замечаний. Так, И.В. Антипов обратил внимание на то, что «в реконструкции восточные столбы размещены очень близко к западным, в связи с чем весь подкупольный квадрат смещается на запад», что, по мнению исследователя, привело к неоправданному и маловероятному уменьшению размера подкупольного квадрата [754]. Однако именно такой вариант планового решения храма, при котором подкупольный квадрат смещается к западу, отмечен и исследователями Спасо-Преображенского собора 1285 г. в Твери. Как они считают, восточная пара подкупольных столбов собора была вплотную придвинута к апсидам, о чём свидетельствует расположение боковых входов в храм (см. с. 164 наст. изд.).

Другая особенность Борисоглебской церкви, которую выдвинули авторы реконструкции её плана и которая показала И.В. Антипову маловероятной, — это возможность трёхлопастной формы её завершения [755]. Причина, по которой И.В. Антипов выразил сомнение в трёхлопастном завершении, заключается в том, что «основной объём храма очень вытянут по оси запад-восток», что, по мнению исследователя, противоречит возможности трёхлопастного завершения всего здания [756]. Однако четвертная форма боковых апсид, а также пониженное расположение зенитов четвертных сводов боковых апсид, по отношению к зениту свода центральной, являются фактом, установленным раскопками [757], а именно такая система сводов

[740] См. о них: *Раппопорт*, 1956. С. 56–58.

[741] Псковская I-я летопись, С. 17.

[742] Новгородская Четвёртая летопись, С. 122; Рогожский летописец, Стб. 154.

[743] *Раппопорт*, 1956. С. 57.

[744] *Белецкий*, 1970.

С. 69–80; *Лабутина*, 1985.

С. 57–58; *Ершова, Колосова, Лабутина*, 1994. С. 17–20.

[745] *Антипов*, 2000. С. 54–55. См. также наст. изд. с. 83.

[746] *Ершова, Колосова, Лабутина*, 1994. С. 17–20.

[747] См. раздел, посвящённый зодчеству Чёрной Руси, с. 67–79.

[748] *Kivkauskas*, 1989. S. 97.

[749] *Иоаннисян*, 1994/1. С. 80–82.

[750] См. раздел, написанный А.Л. Баталовым и Л.А. Беляевым и, в этом томе, с. 160–166.

[751] См. о ней: *Давид, Огнёв*, 1956. С. 51–55; *Альтшуллер*, 2013. С. 18–31. Если Л.А. Давид и Б.А. Огнёв датировали памятник XV веком, то Б.Л. Альтшуллер — XIV в.

[752] См. о них: *Воронин*, 1962. С. 187–206; *Альтшуллер*, 2013. С. 31–66.

[753] *Антипов*, 2000. С. 27.

[754] Там же.

[755] *Антипов*, 2000. С. 26.

[756] Там же.

[757] *Иоаннисян, Торшин, Зыков*, 1997. С. 237.

предполагает трёхлопастное, а не какое-либо иное завершение. Возникшее противоречие может быть снято, если учесть, что боковые апсиды не были выражены снаружи и их своды были скрыты за плоскими плечиками центральной апсиды. В таком случае можно предположить, что восточные столбы были максимально приближены к межапсидным стенам и апсидная часть здания получала значение фактически самостоятельного объёма, а подкупольный квадрат приобретал бы очертания вытянутого по продольной оси прямоугольника. Как мы можем увидеть на примере Спасо-Преображенского собора в Твери [758], именно эта особенность оказалась характерна и для него, несмотря на то, что конструктивно-технические черты этого памятника свидетельствуют о совершенно иной традиции, которой следовали создавшие его мастера.

В свою очередь, если предположить, что существующая церковь Рождества в Городне XV в. в какой-то степени повторяет черты своей предшественницы XIV в. (см. выше о Городне), то тогда выраженная самостоятельность восточной (алтарной части) была характерна и для раннего храма. Кстати, именно эта особенность в церкви XV в. привела к совершенно нетрадиционному решению её сводов: подкупольный квадрат этого храма не соответствует по размерам габаритам самого купола, в связи с чем его строителям пришлось «наклонить» подпружные арки к центру, в результате чего подкупольные своды образуют в проекции не квадрат или прямоугольник, а четырёхконечную звезду со скруглёнными очертаниями [759]. Таким образом, между подпружными арками и барабаном оказалась построена конусообразная конструкция, которую Н.Н. Воронин сравнил с отрезком шатра [760], а сами подпружные арки приобрели небольшую ступенчатость, аналогию которой тот же исследователь увидел в конструкции в церкви Василия на Горке в Пскове [761].

Не известно, увенчивалась ли церковь XIV в. в Городне трёхлопастным завершением (в церкви XV в. его нет), либо, подобно существующему зданию, имела в основании купола высокий постамент, маскирующий повышенную конструкцию сводов. Но интересно отметить, что близкая ей по характеру кладки церковь в селе Каменском имела систему завершения, схожую с верхней церковью в Городне, — коническая конструкция между подпружными арками и барабаном и маскирующий её постамент. Храмы Коломны XIV в., сложенные также в бутовой технике, по-видимому, могли иметь и ту, и другую систему завершения. Во всяком случае, М.А. Ильин в своей реконструкции Успенского собора в Коломне XIV в. предположил, что его боковые нефы были значи-

тельно понижены по отношению к центральному [762].

Как бы в дальнейшем ни решался вопрос о характере завершения памятников Северо-Восточной Руси конца XIII—XIV в., очевидно одно: во всех перечисленных случаях (церковь Бориса и Глеба в Ростове, Спасо-Преображенский собор в Твери, церковь в Городне, Никольская церковь в селе Каменском, храмы Коломны) мы сталкиваемся с общей тенденцией создания храмов с ярковыраженной динамичной башнеобразной композицией [763], которая могла проявляться и в храмах с трёхлопастным завершением, и в храмах в высокими постаментами в основе барабана.

Столь же неоднозначно в дальнейшем будет решаться и вопрос об источниках происхождения мастеров, возобновивших строительную деятельность в Северо-Восточной Руси, и вопрос о взаимосвязях между собой её строительных центров (Ростова, Твери, Москвы, Коломны), а также внешних влияний, как в момент сложения, так и позже, когда, казалось бы, не связанные между собой традиции в процессе дальнейшего развития (на протяжении XIV–XV вв.) пересекаются.

Однако решение этих вопросов — задача будущего. Ведь многие ключевые звенья «тёмного периода» в истории древнерусской архитектуры ещё отсутствуют. Исследование Борисоглебской церкви в Ростове и Спасо-Преображенского собора в Твери ещё не завершено, совершенно неизвестными остаются тверские памятники, построенные в XIV в., спорны интерпретация и датировка Успенского собора Отроча монастыря в Твери [764], не хватает данных об Успенском соборе Ивана Калиты в Московском Кремле, совершенно ничего не известно о туманно упоминаемых в письменных источниках храмах Костромы, Углича, Городца и Муромы, полумифической остаётся и строительная деятельность князя Довмонта в Пскове, постройки которого могли бы служить своего рода связующим звеном между строительством Северо-Восточной Руси и Великого княжества Литовского, да и изучение последних не только далеко от завершения, но и содержит целый ряд дискуссионных и неоднозначных моментов. Пока ещё только в первом приближении сформулирована проблема возможных воздействий новгородского зодчества на архитектуру той же Твери [765]. Тем не менее, если сравнить наши нынешние представления о самом тёмном периоде в истории русской архитектуры, которые нашли своё отражение в предыдущем общем очерке истории русского зодчества конца XIII–XV вв., написанном Н.Н. Ворониным и опубликованном в 1970 г. [766], нетрудно

[758] См. раздел, написанный А.Л. Баталовым и Л.А. Беляевым (с. 00–00).

[759] *Воронин*, 1962. С. 405.

[760] Там же. С. 406.

[761] Там же. С. 405.

[762] *Ильин*, 1963/1. С. 116–124.

[763] Интересно, что именно так — как отчётливо выраженную башню — воспринял церковь в Городне А. Мейерберг, что нашло своё отражение в рисунке из его альбома (Альбом Мейерберга, 1903. Рис. 44).

[764] См. предварительную публикацию памятника: *Булкин, Иоаннисян, Салимов*, 1989. С. 97–106. См. также с. 166, 167 наст. изд.

[765] См.: *Седов*, 1993. С. 62–69.

[766] *Воронин*, 1970. С. 206–253.

заметить, что ещё на рубеже 1960–1970-х гг. исследователям при рассмотрении зодчества второй половины XIII–XIV в. пришлось оперировать лишь памятниками Новгорода и Москвы второй половины XIV в., а также единичными изученными к этому времени памятниками тверского зодчества. В дальнейшем П.А. Раппопорту удалось значительно расширить географические границы общей картины развития архитектуры этого периода путём привлечения памятников Юго-Западной и Западной Руси [767]. Позднее И.В. Антипов провёл очень важную и объёмную работу по сведению всех имеющихся на тот момент данных о сооружениях второй половины XIII–первой трети XIV в. в своём каталоге «Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в.» [768]. Однако первые памятники Северо-Восточной Руси, возведённые после монгольского нашествия, в 1280-х гг., продолжали оставаться «белым пятном». Открытие руин Борисоглебской церкви в Ростове и Спасо-Преображенского собора в Твери позволило, наконец, сдвинуть проблему возобновления строительства в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII в. с мёртвой точки. И хотя эти открытия поставили много новых вопросов, которые пока ещё не имеют решения, есть все основания считать, что дальнейшие архитектурно-археологические исследования в этом направлении рано или поздно приведут к тому, что этот «тёмный период» в истории древнерусского зодчества будет со временем проясняться и займёт своё место в общей картине истории русской архитектуры.

О.М. Иоаннисян

Архитектура Твери и Москвы

Строительство в Твери до середины XIV века

Послемонгольские десятилетия Твери

Развитие Твери, Москвы и всей Руси, наблюдавшееся в первой трети XIII в., прервал в 1237–1238 гг. зимний поход Бату-хана. Пали главные северо-восточные города: Владимир, Суздаль, Переяславль Залесский, Ростов, Тверь, Москва, Дмитров, Ярославль, Галич Мерьский, Городец [769] и, видимо, Юрьев Польский [770], а в 1239 г. – Муром, Гороховец [771] и Ярополч [772], а также Нижний Новгород (в летописи войны не упомянут) [773].

Прямых известий о штурме Твери нет, но тогда, видимо, погиб один из сыновей Ярослава Всеволодовича [774], возможно, присланный для укрепления обороны, – так же как в Москве окажется воевода Филипп Нанка с младенцем-князем Владимиром Юрьевичем. Возможно, эти рассылки

младших князей в год монгольского нашествия не случайны и обозначают не только важность «малых городов» как крепостей, но их потенциал как будущих удельных столиц.

Важно, что уже во второй половине XIII–начале XIV в. недавно стёртые с лица земли Тверь, Москва, Коломна переживут подъём, а затем и расцвет. С первых же десятилетий правления монголов они вступят в конкуренцию за право быть «великими княжениями» Северо-Восточной Руси. Понятие великого княжения – родом из домонгольской Руси. Так стремились называться, подчёркивая независимый и общерусский характер своего правления, владимирские князья, начиная с Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1177–1212) [775]. Но южнорусские летописи всегда именовали их только «великими князьями суздальскими» [776].

Смысл термина меняется с признанием вассалитета по отношению к Орде. Князья Суздальской земли теряли право на независимую внешнюю политику и были обязаны платить татарский «выход». Сбор этой дани осуществлялся старейшим князем, получавшим ярлык на «великое княжение Владимирское» и право доставлять её непосредственно хану [777]. Ярослав, брат Юрия Всеволодовича, став после ухода Батия князем Владимирским, получил в 1243 г. в его ставке первый ярлык и статус старшего между князьями [778]. Вскоре (1246) Ярослав погиб в Каракоруме, и великим князем Владимирским стал его брат Святослав [779].

Именно при этом странном и ещё не устоявшемся, непривычном новом порядке явился на свет первые тверские князья и возникла возможность возвышения города: в домонгольское время ни своего князя, ни каменного собора Тверь не имела, оставаясь одной из крепостей в составе удельного княжества Переяславского. Теперь, в 1247 г., Тверь стала уделом, и её собственный князь Ярослав Ярославич положил начало местной династии.

Тверское княжество образовалось раньше Московского. Но и появление Московского было не за горами: после княжеской усабицы (1248–1252) Святослава и Ярославичей [780] великим князем Владимирским стал Александр Ярославич Невский (1252–1263). Он выделил самому младшему сыну Даниилу из состава родового Переяславского княжества новый удел, видимо, тоже самый младший – Москву. Двухлетний князь был слишком мал, и от его имени управляли тиуны Ярослава Ярославича Тверского. Но уже в 1270-е гг. Московское княжество выступил на историческую сцену [781].

В летописании середины XIII в. Тверь совершенно незаметна: её владелец Ярослав

[767] *Раппопорт*, 1993. С. 109–121.

[768] *Антипов*, 2000.

[769] Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 459–464; НЛД, 1950. С. 75–76.

[770] *Кучкин*, 1984. С. 108.

[771] Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 470.

[772] *Седова*, 1978. С. 127.

[773] Северные города (Белоозеро, Кострома, Молога, Унжа, Устюг) и западный Зубцов, вероятно, уцелели. Центральные города (Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль) разорены и позднее – в 1252, 1281, 1293 гг.

[774] НЛД, 1950. С. 76.

[775] *Пресняков*, 1998. С. 47; *Поптэ*, 1996. С. 481; *Феннел*, 1989. С. 40.

[776] *Горский*, 2004. С. 150.

[777] Формально – дважды в год, весной и осенью. «Выход» собирали со всех уделов, входивших в великое княжение, и с Новгорода.

[778] «Буди ты старей всем князем в Русском языке» (Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 470). См.: *Насонов*, 1940; *Насонов*, 1951 (в 2002 г. оба исследования А.Н.Насонова были переизданы в одной книге: *Насонов*, 2002).

[779] «Посади по городом, яко бе им отец оурядить Ярославль» (Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 471).

[780] *Насонов*, 2002.

С. 239–241; *Кучкин*, 1984. С. 111.

[781] *Кучкин*, 1984. С. 119; *Горский*, 2000.

[782] *Клюз*, 1994. С. 62–65.

[783] Летописный сборник, именуемый Тверской летописью, 1863. Стб. 404; НЛД, 1950. С. 89, 321; *Приселков*, 2002. С. 331.

[784] См.: *Мальгин*, 1998. С. 46; *Мальгин*, 2003. С. 94–95.

[785] Впрочем, в то время в княжествах Северо-Восточной Руси было мало городов, обычно один (8 случаев), реже два или три (6 случаев) (*Кучкин*, 1990/1. С. 73).

[786] *Егоров*, 1985. С. 200–201; *Горский*, 1995. С. 34.

[787] Это при том, что борьба идёт между родственниками, пусть и не слишком близкими.

[788] *Пресняков*, 1998.

С. 87–103; *Мальгин*, 1995.

С. 329; *Горский*, 2004.

[789] 1305–1317 гг. – Михаил Ярославич Тверской, 1317–1322 гг. – Юрий Данилович Московский, 1322–1325 гг. – Дмитрий Михайлович Тверской, 1326–1327 гг. – Александр Михайлович Тверской.

[790] *Клюз*, 1994. С. 99–121; ДДГ, 1950. С. 34. № 12.

[791] С конца 1330–1340-х гг., не желая чрезмерного возвышения одного княжества, Орда поднимала статус некоторых княжеств, в том числе Твери, до «великих княжений» – но в рамках их собственных границ (см.: *Насонов*, 1940. С. 101; *Клюз*, 1994. С. 158; *Горский*, 2000. С. 107–112; *Горский*, 2006. С. 10. О Нижнем Новгороде и Рязани: *Пресняков*, 1998. С. 162).

[792] «Появление летописных сводов означало появление таких письменных исторических произведений, которые содержали опыт средневекового построения государства, народа или народов, опыт построения и истолкования исторического процесса, как его понимали современники» (*Насонов*, 1969. С. 12–13).

[793] При этом они оставались вассальными правителями Орды: чеканка монеты, и то в виде местного варианта ордынских денег, начнётся в Твери только в самом конце XIV–XV в., а в Москве на несколько десятилетий раньше, во второй половине XIV в.

Ярославич, став в 1265 г. великим князем Владимирским, то воюет за Новгород с немцами, то ездит в Орду [782]. Но его останки вернутся домой в зиму 1271/1272 г. и будут похоронены в Твери, в деревянной церкви Св. Козьмы и Демьяна [783]. В средневековом правосознании место погребения играло важную роль, так что отказ от захоронения в Успенском соборе стольного города Владимира – явный знак, что удельная Тверь мыслится как столица княжества [784].

Наследник тверского стола Святослав Ярославич Тверской (1271/1272–1282/1285) и его двоюродный брат Даниил Московский вступают в политические отношения если не как равные, то близкие по статусу: как князья самостоятельных княжеств, борющихся за великое княжение. Но Тверь на первых порах, несомненно, опережает Москву. Она резко шагнёт из числа рядовых крепостей в Переяславском уделе [785] на уровень столицы. Её первый удельный князь через 20 лет правления получит Владимирское княжение и заложит основы тверской династии, давшей Руси ряд очень ярких правителей, причём Михаил Ярославич в 1304 г. станет великим князем Владимирским уже как князь Тверской.

В 1280–1290-е гг. Тверь и Москва пока остаются союзниками: оба княжества полагаются на поддержку Ногай, хозяина западной части улуса Джучи [786], в борьбе с князем Переяславским и великим князем Владимирским (1294–1304 гг.) Андреем Александровичем, державшим сторону ханов Поволжья. Но в первые годы XIV в. ситуация изменилась: погиб Ногай (1300 г.), умерли Даниил Александрович (1303 г.) и великий князь Андрей Александрович (1304 г.), а Орда вновь пережила период расцвета при хане Узбеке (1312–1341).

С начала XIV в. конфликт Твери и Москвы, стремительно развившихся новообразованных княжеств, за первенство на Северо-Востоке стал неизбежным. Борьба за ярлык на великое княжение велась всеми средствами, известными политикам средневековья: в ход шли интриги в Орде, оговоры и убийства, война и подкуп [787], привлечение на свою сторону деятелей Церкви. События разворачивались и на Руси, и в Орде. Обе стороны вели себя исключительно жёстко. В результате интриг московского князя в Орде был казнён Михаил Ярославич Тверской (1318 г.), в отместку его сын Дмитрий Михайлович убил Юрия Даниловича Московского (1325 г.), за что сам был казнён (1326 г.) [788]. Решающего перевеса добиться не удалось ни одной из сторон, но до 1327 г. ярлык на великое княжение в основном держала тверская династия [789]. Знаменитое восстание в Твери 15 августа 1327 г. против посла Чолхана и карательный поход татар

на Тверь при участии Ивана Даниловича Калиты и Александра Васильевича Суздальского изменили течение дел, укрепив позиции Москвы: с 1328 г. ярлык на великое княжение, с очень короткими перерывами, будет в руках её князей, а Дмитрий Донской в духовной 1389 г. просто передаст великое княжение наследникам как «отчину» [790]. Под управление Москвы будут переходить всё новые и новые территории, Тверь же так и останется в рамках своих земель, со статусом «Великого княжества Тверского» [791].

Молодые династии, тверская и московская, состязались не только в политике и на полях сражений, боролись не только за поддержку Церкви и ханское благоволение. С конца XIII–начала XIV в. они, получив новые финансовые возможности, активно использовали все традиционные средства повышения статуса. Возводили каменные храмы, расписывали их, наполняли иконами, драгоценными сосудами и книгами. Начали вести собственные летописи, создавать великокняжеские своды и иные литературные произведения [792], развивать художественные ремёсла. Ювелирное и оружейное дело, искусство портных и кожевников было остро необходимо для успешного правления и формирования двора, требовавшего известного блеска и комфорта [793].

Середина – вторая половина XIII в. – разделительный рубеж в культуре Северо-Востока. Его определил не только монгольский разгром, но в большой степени – изменения политической географии и условий жизни. Сошлось множество факторов: начавшееся похолодание и увлажнение климата; освоение, в результате этого, водоразделов; рассредоточение населения; кризис северного торгово-промыслового хозяйства; продолжение дробления княжеств. Археология указывает на упрощение повседневного быта, а особенно – на утрату сложных элитных технологий и статусных аксессуаров, отказ от древнерусского традиционного женского убора. Резко меняется система погребения (окончательно уходит курганный обряд). Анализ художественной среды показывает, что многое нужно было начинать сначала, но в ряде областей искусства развитие продолжалось даже в самые страшные годы нашествия, а церковный характер культуры не только сохранился, но обеспечил ей защиту и даже известную поддержку со стороны Орды.

Тверь первой заявила о своих претензиях на роль церковного центра и княжеской столицы. С 1285 г. в Лаврентьевской летописи появляются оригинальные тверские записи, а после того как в 1304 г. Михаил Ярославич Тверской стал великим князем Владимирским, возникла потребность создать великокняжеский свод, начало